

Ковалевский Максим Максимович

**Конституция графа Лорис-
Меликова и его частные письма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М17

М17 **Максим Максимович К.**
Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма / Ковалевский Максим Макси-
мович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 70 с.

ISBN 978-5-519-89533-0

ISBN 978-5-519-89533-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

получилъ какое-то отвращеніе къ мемуарамъ, запискамъ и разнымъ воспоминаніямъ. Изданіе этого рода расплодилось во множествѣ и обратились въ какой-то шантажъ и самообфленіе». Только часть этого матерьяла была списана другомъ покойнаго и досталась мнѣ послѣ его кончины. Но вмѣстѣ съ документами уцѣлѣли и нѣкоторыя письма.

Изъ нихъ видно, какъ ревниво относился бывшій диктаторъ къ возстановленію дѣйствительнаго хода событій: «Бѣдное отечество, писалъ онъ, настанетъ-ли когда-либо та вождѣленная пора, когда и русскому, по примѣру другихъ, дозволено будетъ гласно и свободно, выражать свои мнѣнія и убѣжденія, давать свои оцѣнки, не рискуя попасть за это въ число ярыхъ революціонеровъ и сокрушителей основъ государства?»

Эта эпоха, очевидно, не настала еще, и вотъ почему приходится обнародовать бумаги покойнаго за рубежомъ.

На просьбы познакомить своего корреспондента съ различными эпизодами его государственной дѣятельности Михаилъ Таріеловичъ отвѣчалъ то посылкой своихъ докладовъ, то сжатымъ пересказомъ событій, оставшихся, по его выраженію, «за кулисами исторіи»: «они не попали въ официальные бюлетени и потому въ совершенно новомъ свѣтѣ выставляютъ дѣятельность отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ.»

Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя касаются и хода военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, и эпохи назначенія графа Лорисъ-Меликова предсѣдателемъ верховной распорядительной комиссіи по возстановленію порядка въ управленіи.

«Если достанетъ силъ и здоровья, писалъ онъ того-же 20 октября 1886 года, постараюсь ознакомить васъ и съ командировкой моею въ качествѣ генераль-губернатора Поволжья по поводу ветляндской эпидеміи, и со временемъ пребыванія моего въ Харьковѣ генераль-губернаторомъ». Но силъ и здоровья не хватило, и въ

письмахъ и бумагахъ покойнаго не нашлось достаточно данныхъ для характеристики этихъ промежуточныхъ періодовъ его государственной дѣятельности. Въ наши задачи не входитъ, конечно, полная оцѣнка разнообразной и плодотворной по своимъ результатамъ карьеры человѣка, которому Россія обязана и образцовой администраціей Терской области, и ловкимъ рѣшеніемъ крайне запутанныхъ и сложныхъ вопросовъ инородческаго землевладѣнія, и не виданнымъ еще примѣромъ покрытія издержекъ заграничной кампаніи не золотомъ, а обезцѣненными бумажными рублями. Мы не будемъ также говорить о блестящемъ начальствованіи графа Лорисъ-Меликова нашими военными силами на Кавказѣ. вмѣсто личныхъ оцѣнокъ, не лучше-ли познакомить читателя съ тѣмъ, что самъ графъ думалъ о послѣдней кампаніи. Пусть никто другой, какъ онъ, раскроетъ предъ нами картину закулисныхъ интригъ, такъ долго введившихъ успѣшному ходу военныхъ дѣйствій.

Знакомство съ тѣмъ, что Лорисъ-Меликовъ говоритъ объ этой эпохѣ своей жизни, раскроетъ намъ тотъ путь, какимъ сложилось въ его умѣ убѣжденіе, что не одно гражданское, но и военное управленіе Россіи нуждается въ радикальной реформѣ, и что эта реформа можетъ быть достигнута только расширеніемъ правъ общественнаго мнѣнія. «Я не коснусь, пишетъ онъ, подробностей войны и не стану излагать вамъ содержанія всѣхъ хранящихся у меня письменныхъ документовъ, которые могутъ послужить цѣннымъ матеріаломъ для иллюстраціи закулисной стороны всего происходившаго. Матеріалы эти со временемъ попадутъ въ печать и ознакомятъ русское общество съ возникавшими на азіатскомъ театрѣ дѣйствій неурядицами и сумбуромъ, благодаря безнаказанности членовъ императорской фамиліи и неразлучно сопровождающей ихъ сволочи-камарилы». Письмо написано нѣсколько дней спустя послѣ постановки

памятника послѣдней войны, при чемъ самымъ грубымъ образомъ сказалось забвеніе заслугъ попавшаго въ опалу графа, и не упомянуто было ни разу самое имя дѣйствительнаго начальника кавказской арміи.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ незаслуженной обиды, Лорисъ-Меликовъ пишетъ о томъ, кому всего раньше должно-бы было прійти на умъ все имъ сдѣланное: «Не довѣряя собственнымъ способностямъ, В. Кн. Михаилъ Николаевичъ охотно подчиняется вліянію всѣхъ окружающихъ и такимъ образомъ является слѣпымъ исполнителемъ желаній и указаній жены своей (женщины достаточно умной, но злой и честолюбивой), докладчиковъ своихъ, адъютантовъ и прочее. А такъ какъ всѣ эти лица руководствуются различными убѣжденіями и домогаются разныхъ и часто противоположныхъ цѣлей, то можно представить себѣ тотъ сумбуръ и ту непослѣдовательность, которыми отличаются всѣ дѣйствія августѣйшаго князя. Эту несомнѣнную истину могутъ засвидѣтельствовать тѣ, которые имѣли съ нимъ дѣло.

. . . Въ 1875 году я разстался съ дѣятельною службою на Кавказѣ и для одыха переѣхалъ за границу. Въ концѣ 1876 года, когда возстаніе въ Босніи и Герцоговинѣ приняло уже широкіе размѣры, и война съ Турціей становилась неизбежной, я получилъ въ Висбаденѣ, совершенно для меня неожиданно, телеграмму Великаго Князя, въ которой онъ вызывалъ меня немедленно на Кавказъ для принятія въ командованіе корпуса, предназначавшагося для дѣйствій въ Азіатской Турціи. На восьмой день послѣ полученія телеграммы я былъ уже въ Тифлисѣ и только тамъ узналъ, что назначеніе мое состоялось по личному выбору Государя, а не по ходатайству Великаго Князя. Назначеніе это озадачило болѣе всѣхъ помощника Его Высочества, князя Мирскаго, и его прихвостня — генерала Павлова — начальника штаба кавказскаго округа, заранѣе мечтавшихъ уже быть полными

хозяевами и главными распорядителями на театрѣ военныхъ дѣйствій. Въ этихъ видахъ они заблаговременно распредѣлили даже всѣ должности, какъ по управленію корпусомъ, такъ и по отдѣльнымъ его отрядамъ. Зная то вліяніе, какимъ пользовался князь Мирскій, я легко могъ предвидѣть, что во все время войны мнѣ придется имѣть въ немъ весьма ловкаго и яраго противника, — болѣе серьезнаго, чѣмъ сами Турки. — Смѣлый, эффектный и весьма широко надѣленный *esprit d'intrigue*, князь Мирскій не могъ не видѣть во мнѣ челоуѣка, преградившаго ему путь къ отличіямъ, славѣ и къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Подбить Великаго Князя къ протесту и къ исходатайствованію новаго назначенія, онъ не рѣшался, ибо предчувствовалъ, что за Государемъ стоялъ Милютинъ, который весьма близко знаетъ всѣ достоинства и недостатки князя Мирскаго. Попробоваль было я самъ заявить Великому Князю, что, такъ какъ военныя дѣйствія еще не начались, то я охотно готовъ отказаться отъ принятія корпуса въ командованіе, если только назначеніе мое не согласуется съ его желаніями. Храбрый фельдмаршалъ до того перепугался этого заявленія, что сталъ божиться и увѣрять, что лучшаго и болѣе подходящаго выбора не могло быть сдѣлано. Пробывъ пять дней въ Тифлисѣ и ознакомясь съ перепискою, я выѣхалъ на кавказско-турецкую границу, а вскорѣ затѣмъ, вслѣдствіе обращеннаго мною категорическаго вопроса къ Великому Князю, я получилъ инструкцію, по которой мнѣ предоставлялись права командира корпуса временно отдѣленнаго отъ арміи. Это было въ ноябрѣ 1876 года, за четыре мѣсяца до объявленія войны. Какъ за это время, такъ равно и полтора мѣсяца послѣ открытія военныхъ дѣйствій, т. е. до прибытія къ войскамъ Великаго Князя съ многочисленною свитою, — я имѣлъ полную возможность свободно и самостоятельно заняться порученнымъ мнѣ

дѣломъ.
.

Блистательно начавшаяся кампанія, вступленіе всѣхъ трехъ отрядовъ дѣйствующаго корпуса въ предѣлы Турціи, занятіе Баязета и овладѣніе посредствомъ штурма Ардаганомъ возбудили въ Великомъ Князѣ и во всей окружающей его средѣ жажду къ отличіямъ и наградамъ, — и вотъ, 29 мая Августѣйшій Главнокомандующій, сопровождаемый своимъ начальникомъ штаба, артиллеріей, инженерами, походною канцелярією и громадною свитою, прибылъ къ войскамъ подъ Карсъ. Въ порядкѣ служебномъ и по долгу чести, лежащемъ на всякомъ военномъ чловѣкѣ, онъ долженъ былъ-бы въ тотъ-же день издать приказъ о вступленіи своемъ въ непосредственное командованіе и распоряженіе войсками. Этимъ приказомъ онъ, такъ сказать, принималъ-бы на себя отвѣтственность во всѣхъ дѣйствіяхъ, какъ успѣшныхъ, такъ равно и неудачныхъ. Какъ показываетъ намъ исторія, война не устилаетъ всего пути сплошными розами. Объ изданіи упомянутаго приказа я дважды просилъ Великаго Князя въ самый день пріѣзда и высказалъ, что Паскевичъ въ 1829 и Муравьевъ въ 1854 годахъ поступили совершенно такимъ-же образомъ; объяснилъ при этомъ, что въ присутствіи главнокомандующаго самое существованіе и особыя права командира отдѣльнаго корпуса являются аномалією. Заявилъ я также, что съ изданіемъ просимаго приказа я обращаюсь въ простаго начальника не отдѣленнаго отъ арміи корпуса и буду въ точности исполнять получаемыя мною свѣдѣнія приказанія.

Совѣтники Великаго Князя весьма ясно понимали рискованность и невыгоду изданія такого приказа; всѣ пожеланія ихъ клонились къ тому, чтобы успѣшныя дѣйствія относить къ себѣ, а неудачу сваливать прямо на отвѣтственнаго корпуснаго командира. Преслѣдуя эту іезуитскую цѣль, они

убѣдили Великаго Князя объявить въ приказѣ, что, прибывъ къ войскамъ, онъ оставляетъ по прежнему всѣ распоряженія и дѣйствія на командирѣ корпуса. Какъ надлежало поступить мнѣ? Выборъ былъ двоякій: или просить о немедленномъ увольненіи меня отъ должности, или-же примириться съ тѣмъ тяжелымъ и неблагодарнымъ положеніемъ, въ которое ставилъ меня приказъ. Подавать въ отставку во время войны равносильно побѣгу съ поля сраженія, и на это едва-ли рѣшится человѣкъ, надѣленный даже желѣзною волею; вотъ почему я принялъ второй способъ. Съ этого дня начинается для меня тотъ томительный періодъ интригъ и зависти, который не прекращался до дня заключенія мира. Двоеначаліе въ одномъ и томъ-же учрежденіи является безсмыслицею, и нельзя даже представить себѣ простой канцеляріи, одновременно подчиненной двумъ распорядителямъ; въ военное время такая двойственность можетъ повлечь за собою пагубныя послѣдствія. Въ составѣ арміи и значительныхъ корпусовъ бываютъ личности, безспорно одаренныя бойкими военными способностями и пригодныя для выполненія весьма сложныхъ военныхъ порученій; но рѣдко случается, что личности эти, владѣя такими качествами въ тоже время неуживчивы, склонны къ интригамъ, дерзки въ обращеніи съ подчиненными и тому подобное. Недостатки эти могутъ быть устранены и сдержаны лишь при томъ условіи, когда всѣмъ и каждому въ военномъ станѣ извѣстно, что какъ поощреніе, такъ и порицаніе находятся исключительно въ рукахъ единаго начальника. Къ числу вышеупомянутыхъ лицъ я долженъ, къ сожалѣнію, отнести Геймана и Лазарева, замѣчательно способныхъ ближайшихъ моихъ сотрудниковъ. Намѣренныя восхваленія, щедро распускаемыя сформировавшимся подъ флагомъ князя Мирскаго кружкомъ праздної камарилы и разной сволочи, довели дѣло до того, что Гейманъ сталъ уже совершенно небрежно относиться къ

своимъ обязанностямъ, вслѣдствіе чего не настигъ Мухтаръ-пашу при отступленіи его за Соган-лугъ, а затѣмъ прозѣваль и овладѣніе Эрзерумомъ немедленно послѣ удачнаго Девебойнскаго сраженія. Что касается Лазарева, то самохвалство и самообожаніе этого человѣка достигли до такихъ размѣровъ, что послѣ штурма Карса онъ сталъ нахально доказывать, что счастливое занятіе полковникомъ Фадѣевымъ форта Карадагъ, молодецкое овладѣніе генераломъ Рыздзевскимъ форта Арабъ, штурмъ генераломъ Алхазовымъ форта Кафисъ и даже полоненіе генераломъ Ропомъ, Щербатовымъ и полковникомъ Батіевскимъ 14,000 Турокъ, бѣжавшихъ изъ нагорныхъ укрѣпленій, — все это совершилось по личному его указанію и распоряженію. Словомъ, выходило, что всѣ, отъ мала до велика, были обязаны успѣхомъ одному только Лазареву, и что онъ сочинилъ даже планъ атаки Карса. На бѣду Лазарева въ числѣ нѣсколькихъ сореовнвателей составленія какого-то плана атаки явился грознымъ для него претендентомъ и князь Мирскій, глашатаи котораго проповѣдывали въ главной квартирѣ, что Мирскаго слѣдуетъ наградить орденомъ Георгія 2-ой степени. И что-же? Великій Князь, слѣдуя совѣту своего домашняго ареопага, написалъ Государю и исходатайствовалъ этотъ орденъ Мирскому, не завѣдовавшему на войнѣ никакимъ учрежденіемъ, не командовавшему ни однимъ солдатомъ и просидѣвшему въ ночь штурма въ главной квартирѣ, въ 12 верстахъ отъ мѣста дѣйствія. Неожиданная награда поразила всѣхъ за исключеніемъ камарильи, и нельзя не признать, что насколько Лазаревъ заслуживалъ Георгія 2-ой степени за штурмъ, настолько-же награжденіе Мирскаго являлось вопіющимъ нарушеніемъ справедливости и умаленіемъ значенія самого ордена, для полученія котораго ложатся костями сотни людей. Въ донесеніяхъ въ Петербургъ, которыя изготовлялись въ главной квартирѣ и подносились на подпись Великаго Князя,

старались всячески и весьма ловко обходить мое имя и по возможности не упоминать его. Такъ было поступлено и въ рапортѣ о штурмѣ Карса. Раздосадованный этимъ и бесѣдуя однажды съ Великимъ Княземъ, я поставилъ ему слѣдующій вопросъ: «а что, Ваше Высочество, на кого-бы пала всею своею тяжестью отвѣтственность, если-бы штурмъ Карса былъ отбитъ?» Августѣйшій, не долго думая, брякнулъ мнѣ: «разумѣется — на командующаго дѣйствующимъ корпусомъ». Я смолкъ и не продолжалъ разговора. . . .

Однимъ изъ самыхъ ярыхъ претендентовъ на взятіе Карса явился, къ огорченію Мирскаго, Лазарева и компаніи, нѣкто Османъ-бей, бывший маіоръ турецкой службы, ренегатъ и присланный въ дѣйствующій корпусъ въ качествѣ переводчика, какъ отлично знающій арабскій и турецкій языки. Османъ-бей издалъ на французскомъ языкѣ книгу, въ которой доказывалъ, что овладѣніемъ Карса русскіе обязаны исключительно ему одному. Шарлатанъ этотъ разѣзжалъ по столичнымъ городамъ Европы и читалъ о Карсѣ публичныя лексіи. Незадолго до штурма Карса выѣхалъ, къ счастью, изъ района войскъ дѣйствующаго корпуса генераль французской службы, графъ де-Курси, своимъ нахальствомъ и болтовнею очаровавшій до такой степени Великаго Князя и Мирскаго, что безъ предварительнаго съ нимъ совѣщанія въ главной квартирѣ не дѣлали ни одного шага. Въ качествѣ прихвостней генерала Курси состояли: полковникъ Винспиръ (адъютантъ Великаго Князя, итальянецъ родомъ, не говорящій порусски, бывший адъютантъ неаполитанскаго короля), и генераль, князь Фердинандъ Витгенштейнъ, перешедшій къ намъ изъ австрійской службы, величайшій авантюристъ и много разъ грабившій русскую казну деньгами и землями. Чтобы закончить, я долженъ назвать еще двухъ лицъ, которыхъ при всемъ желаніи нельзя помянуть добромъ:

это — генераль-лейтенантъ Девель, бывшій начальникъ Ахалцыхскаго отряда, грязный интриганъ, бретеръ замѣчательный, храбрый въ палаткѣ и боязливый въ огнѣ, и назначенный ко мнѣ тифлисскими властями еще до прїѣзда моего изъ Висбадена начальникомъ штаба генераль Духовской, человекъ замкнутый и злой; онъ самъ, по счастью, пожелалъ въ іюлѣ 1877 года, подъ предлогомъ болѣзни, оставить корпусъ и былъ замѣненъ генераломъ Гурчинымъ, человекомъ вполне добросовѣстнымъ и честнымъ. За симъ естественно можетъ возникнуть вопросъ, какимъ образомъ при существованіи двоеначалія и интригахъ мы могли достигнуть на азіатскомъ театрѣ войны столь блистательныхъ въ боевомъ отношеніи результатовъ? Отвѣчу на это, что масса начальствовавшихъ лицъ (начальники дивизій, бригадъ, полковъ, батарей и прочихъ учрежденій корпуса) вполне честно и безукоризненно относились къ своимъ обязанностямъ, не вдаваясь ни въ какія интриги. Не перечисляю поименно всѣхъ почтенныхъ дѣятелей потому только, что это заняло-бы цѣлыя страницы. Что же касается нашихъ доблестныхъ офицеровъ и неподражаемыхъ солдатъ, то мнѣ кажется, что презрѣнная камарилья еще не способна сокрушить или ослабить ихъ прекрасныхъ качествъ.

Были-ли сдѣланы въ продолженіе войны ошибки и какія именно? Ошибокъ мелкихъ или второстепенныхъ, не имѣвшихъ серьезнаго вліянія на общій ходъ событій, совершенно было много, какъ мною самимъ, такъ и подчиненными мнѣ лицами. Избѣгнуть ихъ невозможно, — и нѣтъ еще примѣра, чтобы война, какъ-бы побѣдоносна она ни была, не сопровождалась случайными ошибками и недоразумѣніями. Спросите объ этомъ нѣмцевъ, и они подтвердятъ, что въ послѣднюю прусско-французскую войну ими совершенно также не мало ошибокъ. Я коснулся этого вопроса съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы выяснить одну крупную,

преступную ошибку, совершенную въ самомъ началѣ войны. Дѣлаю это еще болѣе потому, что въ абсолютно деспотическомъ государствѣ нашемъ печать не смѣетъ обсуждать предметъ съ полною откровенностью, если только въ самое дѣло вмѣшанъ прямо или косвенно членъ царской фамиліи. Въ обществѣ и въ военной литературѣ обвиняли часто и продолжаютъ обвинять военное министерство въ томъ, что оно выставило въ началѣ войны слишкомъ недостаточное число войскъ. Обвиненіе это, быть можетъ, имѣетъ полное основаніе въ отношеніи Балканскаго театра дѣйствій, съ которымъ я знакомъ мало, почему и судьею быть не могу. Что-же касается до азіатскаго, то само собою разумѣется, что, если-бы съ открытіемъ войны мы имѣли 15 или 20 батальонами болѣе наличнаго числа войскъ, то задача наша облегчилась-бы въ весьма значительной степени. Разберемъ, можно-ли было достигнуть этого? Всѣхъ войскъ для дѣйствія противъ Турокъ на Кавказѣ назначено было 78 батальоновъ, изъ числа коихъ въ составъ дѣйствующаго корпуса распредѣлены были по его отрядамъ (Александропольскому, Эриванскому и Ахалцыхскому) 46 батальоновъ, остальные-же 32 батальона, направленные въ Приріонскій край, не вошли въ составъ дѣйствующаго корпуса и получали всѣ указанія прямо изъ Тифлиса. Такое скопленіе войскъ въ тѣснинной, болотистой и нездоровой мѣстности Ріонскаго края возникло вслѣдствіе шальной идеи открыть одновременно наступательныя дѣйствія не только тремя отрядами дѣйствующаго корпуса, но и со стороны Ріона — для занятія Кабулета и овладѣнія Батумомъ, котораго, впрочемъ, за неимѣніемъ флота, мы ни въ какомъ случаѣ удержать за собою не могли. Всѣ, кто только понималъ дѣло, просто таки смѣялись надъ этою затѣею, а остряки поговаривали, что война ведется не противъ Турокъ, а противъ Лориса.

Результаты Ріонскихъ попытокъ доказали краснорѣчиво всю нелѣпость задуманнаго предпріятія;